

Моя мама была верующей женщиной, вместе с ней я, тринадцатилетний подросток, присутствовал в Новороссийске на пасхальной службе в церкви Успения Пресвятой Богородицы 25 апреля 1943 года.

9 сентября 1942 года Новороссийск оказался в руках немцев. Фронт остановился у стен завода, там, где чудом удержались и стояли насмерть наши солдаты. Господствующие высоты к востоку от города находились в руках советских войск. Как ни печально, ориентиром для наших артиллеристов являлось стройное здание новороссийской церкви Успения Пресвятой Богородицы...

В 1937 году церковь была закрыта. Помещение церкви было превращено в склад. И теперь, в первые месяцы войны, началось восстановление храма. Первое богослужение состоялось уже в конце осени 1942 года. В алтаре стоял домашний стол, накрытый простой белой скатертью, с Распятием. У икон теплились разноцветные лампы, у правого и левого клироса стояли два старых подсвечника, сверкавших начищенной медью, неизвестно где найденных и вновь возвращенных в храм.

Здесь были и стар, и млад, в основном, женщины. В молитвах о здравии звучали чаще всего мужские имена: народ повседневно молился о защитниках Отечества, о своих родных.

Настоятель храма отец Пётр с властями был сдержан, долгожданных оккупантами слов о даровании победы немецкому оружию так и не произнёс.

Вот и пришла Пасха. Светлое Христово Воскресение выпало в этом году на 25 апреля. Службу накануне немцы запретили. Освящение куличей отец Пётр провёл до наступления темноты 24 апреля, а заутреню вынужден был начать на рассвете 25 апреля, с окончанием комендантского часа.

Непрерывно шёл бой на Малой земле, но в округе церкви было спокойно. Мирно было и в сердцах людей. Вер-

Пасха в Новороссийске: 25 апреля 1943 года

качулась к дверям храма. Хор умолк.

Но тут прозвучал громкий и спокойный голос отца Петра:

«Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу!...»

Люди восстановились, замерли. В какое-то короткое

ли – наши не допустят обстрела в эти праздничные дни. Ранним утром 25 апреля, едва забрезжил рассвет, жители ближайших домов потянулись к церкви. Перед иконами теплились лампы, их слабый и трепетный огонь едва освещал лики святых.

Прихожане располагались группками, поближе к знакомым, родственникам. Вошли четыре немецких солдата в зелёной форме, но без оружия. Не долго постояли, посмотрели и тихо удалились.

«Не рыдай Мене, Мати...» Плащаницу уносят. С крестным ходом вокруг храма пошли только духовенство и служители с хоругвями, все-таки фронт... Но вот звучит ликующий голос отца Петра: «Христос воскрес!» «Воистину воскрес!» – в едином порыве подхватывают все.

Прихожане на какой-то момент забыли свои боли и горести. Радость и ликование овладели всеми. Лица посветлели.

...Первый снаряд ударил поблизости, у старой бани, второй, сделав перелёт, разорвался за церковью. Вилка. Третий попадет в церковь или разорвется около. Народ заволновался: неужели свои, в такой день! Третий снаряд упал рядом со зданием церкви. Зазвенели разбившиеся стёкла окон. Плотная толпа

мгновение они поняли, что отец Пётр не намерен прекращать пасхальную службу, и что их долг, долг верующих, остаться в храме. Снаряды падали у церкви, попадали в стены. Храм сотрясался. Опять звенело разбитое стекло, гасли свечи и лампы. Запахло гарью. Все мы пали на колени. Молились горячо, славили Воскресение Христово в состоянии духовного подъёма. Все слились в одну-единственную огромную душу, для которой разрушение и смерть на земле стали второстепенным, далёким, достойным презрения. Всё ужасное, что происходило вокруг, ничего не значило сейчас перед лицом вечной жизни, Вечного мира, в который мы готовы были с радостью вступить. Служба продолжалась...

У стен храма и во дворе лежали убитые, стонали раненые.

Отец Пётр заканчивал чтение Пасхального Слова святителя Иоанна Златоуста.

«Никто же да не убоится смерти, свободы бо нас Спасова смерть...».

Шестой снаряд упал на проезжую часть улицы прямо перед церковью, метрах в пятидесяти от неё.

Отец Пётр произносил отпуст Пасхальной заутрени.

Следующий тяжёлый снаряд ударил у фундамента алтаря храма. Передняя

стена его, выложенная керченским известняком, от взрывной волны разлетелась в прах...

Когда молящиеся подняли головы от пола, они увидели сквозь зияющий провал алтаря яркое солнце и его лучи веером, четко обозначившиеся в оседающей мгле. И лица их, и одежды были белы. Над головами грозно раскачивалось огромное подвесное паннокадило...

Отец Пётр с трудом выбрался из-под обломков, весь белый, как мраморное изваяние, подошёл к валявшемуся на полу семисвечнику, поднял его... Долго молчал... И произнес слова Негорной проповеди:

– «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Прости, Господи, – продолжал он, – жестокосердие и духовную слепоту сынов наших. Помилуй их, ибо они не знают, что творят! Потом твёрдым голосом обратился ко всем присутствующим: Христос Воскресе!

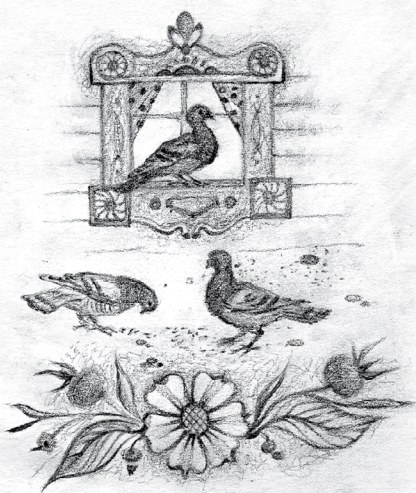
И трижды услышал в ответ:

– Воистину воскрес!

– А теперь, братья и сестры, упокойте тела невинно убиенных и омоем раны пострадавших...

Б. Сергель. Журнал «Москва», 2002, №5.

Публикуется в сокращении.

Каждому своё

Своеволие – особая примета нашего времени. Даже богоугодные дела нам хочется спланировать, максимально организовать по своему разумению и по собственному же хотению их осуществить. А главное, нам трудно отделаться от ощущения, что мы-то лучше других знаем, что нужно другим, не только нам. Хорошо, что Господь это всё про нас знает.

На Цветочную улицу к о. Иоанну Миронову мы каждый раз приходили как на Праздник. Хотя, конечно же, главным двигателем каждый раз был какой-то очень наболевший вопрос. И уверенность в том, что от батюшки

Иоанна точно получим ответ. Да и не только от него лично, в этом необычном храме на Цветочной ответы приходят... по-разному. До сих пор мне помогают в различных житейских и рабочих ситуациях слова, сказанные на проповеди о Кириллом или о Мефодием (батюшек – близнецов я так и не научилась различать). «Если делаешь что-то, делай так, будто всё зависит только от тебя. А вот, когда молишься, молись так, будто всё зависит только от Господа». Ну, чего проще? Казалось бы...

Под благословение к о. Иоанну подойти – словно заряд энергии и радости получить на год вперёд. Но бывает, что он не всех жаждущих успевает благословить. Поэтому, всё чётко организовано, каждого поторапливают со словами: «Подходить по одному, на колени не становиться, не задерживаться». Когда подошла очередь, моя подруга крепко взяла меня под руку и, несмотря на изумление, а потом запоздалый протест охраны, шагнула к батюшке. Он улыбался, сияя, как обычно, пасхальной радостью. Я не осмелилась нарушить запрет, а подруга встала на колени и, держа мою руку, обратилась к о. Иоанну: «Благословите нас, батюшка». В ответ раздалось певучее: «Благословляю тебя...». На мгновение показалось, что произошла какая-то заминка. Или что-то тихо сместилось в пространстве... Мы отошли взволнованные больше обычного, наверное,

от того, что проявили непослушание. И я не сдержала возгласа: «Как хорошо батюшка сказал! Благословляю тебя... потрудиться во Славу Божию!» У подружки округлились глаза, и она растерянно возразила: «Нет, он ведь не так сказал! Я услышала - ...послужить Господу!» Мурашки пошли по спине. Мы отошли к окну перед выходом, не зная, как реагировать на то, что произошло. Каждая спросила себя: «Точно ли я услышала именно это?» И подруга тихо, как бы в раздумье, произнесла: «Каждой – своё благословение». Она вскоре уехала в Псковскую область, где подвизается в монастырской общинке при храме Покрова Богородицы. С этого лета я обращаюсь к ней «матушка, инокиня Ольга». Встречаемся во время её деловых приездов в Санкт-Петербург, и также радуемся друг другу. Не теряется связь, благословение – то общее, хоть и каждой своё.

Общая исповедь

Есть на Цветочной традиция общей исповеди по субботам. Каждый, кто побывал, согласится, что это было знаменательным событием в его духовной жизни. Проповедь, на которой получаешь ответы на самые затаённые вопросы, вряд ли бы озвученные когда-либо. И необычайное ощущение единства, слитности всех, кто находится в храме, единения и даже воспаре-

ния некоторого. Я оказалась в третьем или даже четвёртом ряду верующих, потянувшихся всем своим существом в сторону батюшки, по окончании исповеди, раскинувшего руки, словно крылья, обнимая, защищая и согревая нас всех. Не получив разрешения, я записывала на диктофон исповедь, полагая, что мне же не для себя, для газеты, которую о. Иоанн благословил и читает «от корки до корки». Забыв отключить диктофон, закрыв глаза, я прильнула к спинам плотной стеной стоящих вокруг батюшки счастливых. «Эх, как же я далеко от него! Даже самые кончиками пальцев не коснётся...». И тут я совершенно отчётливо ощутила, как два пальца постучали по моей голове, склонённой к спине впереди стоящей прихожанки. Я зажмурила глаза от трепета, холодком пробежавшего по позвоночнику. Не знаю, сколько времени простояла, боясь открыть глаза... Не зная, что и думать.

Закончилась служба. К батюшке, стоящему на клиросе за оградкой, каждый подходил за персональным благословением. Подошла и я, склонила голову... Батюшка положил руку мне на голову и дважды, двумя пальцами постучал над левым виском...

А диктофон мой новенький так куда-то и запропал. И «контрабандная» запись, которую я успела скинуть на компьютер, тоже не сохранилась.

Ирина Кузина